

Глава 11

Гэн Синь не сомкнул глаз ни на минуту. Как бы ни клонило в сон, он не смел забыться, опасаясь, что ночью состояние Юань Цзинкуня может внезапно ухудшиться.

Сам Юань Цзинкунь провёл ночь спокойно, но в каком-то мучительном забытии. Это было странное состояние между сном и явью, которое выматывало куда сильнее, чем обычная бессонница.

Гун Сино приехал рано утром. Гэн Синь в это время дремал на диване в гостиной. Шаги пришедшего были настолько бесшумными, что он даже не заметил его появления.

Зайдя в спальню, Сино первым же делом увидел на подносе вчерашнюю еду. Он коснулся чашки с кашей — та была ледяной.

Гун Сино взял поднос и вышел из комнаты. От этого звука Гэн Синь вздрогнул и проснулся. Решив, что это Цзинкунь, он поспешно вскочил:

— Господин Юань, давайте я...

— Это я.

Гун Сино прошёл мимо него на кухню и вылил испортившуюся еду.

— О, гендиректор Гун! — Гэн Синь мысленно выдохнул. «Слава богу, вы здесь. Ещё немного, и он бы точно умер с голоду в этой спальне».

Гун Сино сам сварил кашу и приготовил несколько лёгких закусок. Когда он вернулся в спальню, Юань Цзинкунь уже проснулся. Он сидел в постели, привалившись к изголовью, не открывая глаз.

Сино сел рядом. Зачерпнув ложку каши, он осторожно подул на неё и поднёс к его губам.

Цзинкунь плотно сжал рот, отказываясь есть.

Гун Сино попытался просунуть ложку настойчивее, но Юань отвернулся, и каша лишь мазнула по уголку его губ.

Сино не сдавался, решив во что бы то ни стало накормить его. Он попытался силой разжать его челюсти, надавив ложкой на зубы. Цзинкунь упрямылся, стиснув зубы так, что между ними не оставалось ни малейшей щели.

Напор Сино вывел Цзинкуня из себя. Внезапным резким движением он оттолкнул его руку. Гун Сино не ожидал такого отпора: полная чашка густой рисовой каши вылетела из рук, а её содержимое расплескалось по его ладони и по полу.

Нежная, бледная кожа на тыльной стороне кисти мгновенно вспыхнула багровым.

— С-с-с... — Сино невольно сжал кулак, пытаясь перебороть обжигающую боль.

Услышав неестественный звук, Цзинкунь открыл глаза. Увидев ярко-красную руку Сино, по которой ещё стекали крупинки риса, он замер. Каша была очень горячей; на коже на глазах начали вздуваться маленькие водянистые волдыри.

Гэн Синь, привлечённый звуком разбитой посуды, ворвался в комнату. Убедившись, что драки не дошло, он немного успокоился, но вид ожога на руке Гун Сино его напугал.

«Разве кашу должен был есть не Юань Цзинкунь? Как же так вышло, что обварился Сино?»

— Принеси аптечку.

Гун Сино поднялся и прошёл в ванную. Включив кран, он подставил руку под ледяную струю.

Звук льющейся воды болезненно отозвался в сердце Цзинкуня. Должно быть, это чертовски больно — каша ведь была кипятком. Он видел, как рука распухла, как на ней появились пузыри.

Юань вовсе не хотел этого. В порыве раздражения он даже не подумал, что может причинить вред. Его гнев мгновенно испарился, сменившись грызущим чувством вины.

Гун Сино взял ватную палочку с мазью от ожогов и принялся осторожно обрабатывать рану, слегка дую на обожжённую кожу. Когда Гэн Синь предложил помочь, он отказался. Сино не привык обременять других из-за таких пустяков.

Стерильной иглой он аккуратно проколол волдыри. Жидкость вытекала из лопнувших пузырьков на воспалённую кожу, принося новую вспышку боли. Гун Сино каждый раз невольно хмурился, но продолжал методично наносить мазь.

Закончив обработку, Сино здоровой рукой убрал медикаменты и поднял взгляд. Он столкнулся с Юань Цзинкунем глазами. Цзинкунь пристально смотрел на его изувеченную руку, и в его взгляде — Сино не ошибся — читалось явное раскаяние.

— Прости.

Гун Сино первым опустил голову, извиняясь за вчерашнее. Он и сам понимал, что не должен был, не подумав, бросать те ранившие слова.

— Прости меня, — голос Юаня был тихим, но отчётливым.

Он просил прощения за всё: за самовольный уход из дома, за вчерашнюю пощёчину и за сегодняшний ожог.

Они встретились взглядами и почувствовали, что обида ушла.

— Хочешь послушать историю о нём? — внезапно спросил Сино. Он решил открыться Юань Цзинкуню и рассказать о своём прошлом с Ян Ицином.

— Хочу.

Юань постарался ответить как можно равнодушнее, чтобы не выдать своего жгучего любопытства. На самом же деле ему не терпелось узнать, что связывало Сино с тем человеком.

Гун Сино склонил голову. Его лицо оставалось спокойным, почти бесстрастным, но в голосе сквозили печаль и застарелая горечь.

— Он был моим преподавателем в университете. Его звали Ян Ицин. Ян — как «тополь», И — как «искусство», Цин — как «чистая вода». Он был мужчиной редкого благородства и стати, мудрым учителем, нежным мужем и просто очень добрым человеком, — Сино не скрывал своего восхищения. — Когда мы познакомились, мне было восемнадцать, а ему двадцать восемь. Целых десять лет разницы. К тому времени он уже был женат, у него рос двухлетний сын. Наверное, я был круглым дураком: прекрасно знал, что это невозможно, но всё равно с головой бросился в эту ненормальную страсть.

Гун Сино словно спрашивал самого себя.

— За сто двадцать два дня нашего знакомства он сказал мне сто тридцать девять фраз — всего тысяча триста четыре слова. Наедине мы провели тринадцать часов.

Сино помнил каждую мелочь, каждую цифру, словно всё это было выжжено в его памяти навсегда.

— В нём меня привлекало всё. Его лицо казалось мне таким притягательным, что я увязал в этом чувстве, как в болоте, не в силах выбраться.

В этот момент Сино казалось, что он снова там, в своей юности, а образ Ян Ицина стоит прямо перед ним.

— К сожалению, он не был тем «правильным человеком», встреченным в «правильное время». Самой судьбой нам было предначертано быть параллельными прямыми, которые никогда не пересекутся. В этой жизни мне остались лишь бесконечные воспоминания.

— Он — моя тайна, которую я хранил в себе до сегодняшнего дня, — подытожил он.

Сино поднял голову, и его чистый взгляд встретился с полными сочувствия глазами Цзинкуня.

Юань заметил, что за весь рассказ Сино ни разу не употребил слово «любовь». Не прозвучало даже «нравился». Но сила его чувства была настолько глубока, что слова были излишни.

Юань Цзинкуню очень хотелось спросить: знал ли сам Ян Ицин о его чувствах? И что этот человек испытывал к нему в ответ? Была ли это просто привязанность учителя к ученику? Неужели он никогда не замечал того особого обожания, с которым смотрел на него юноша?

Но он промолчал, не желая беречь чужую рану.

Внезапно Юань положил свою ладонь на неповреждённую руку Сино, слегка сжав его пальцы. Его горячая кожа коснулась кожи Сино.

Прошло немало времени, прежде чем кончики пальцев Сино едва заметно шевельнулись в ответ. Это было неуловимое, почти бессловесное общение — очень личное, трогательное мгновение.

Сейчас между ними не осталось ничего, кроме тепла и взаимного понимания.

— Поешь всё-таки? — голос Сино немного охрип, выдавая его волнение. О чём он думал сейчас? О Ян Ицине или о Юань Цзинкуне? О прошлом или о настоящем?

— Хорошо, — так же тихо отозвался Юань.

Гэн Синь всё это время топтался в гостиной, не находя себе места. Прошло полдня, а из спальни не доносилось ни звука, даже голосов не было слышно.

Что там происходит? Гэн Синь извёлся. Опять подрались? Или поубивали друг друга и лежат в обмороке? «Нет, глупости какие-то в голову лезут», — одёрнул он себя.

В это время Ся Лефань мерил шагами пространство перед воротами жилого комплекса, борясь с желанием подняться и проверить, как там Цзинкунь. С одной стороны — зайти надо, а с другой — если там сейчас Сино, то он только помешает.

В конце концов Лефань достал телефон и позвонил Гэн Синю.

Связь у ворот была паршивой. Лефань едва разбирал слова, поэтому прибавил громкости:

— Алло! Слышишь меня? Говори громче! Я спрашиваю: господин Гун там?

— Алло! Да слышу я тебя, не ори! Я спрашиваю: у господина Юаня всё в порядке? — Гэн Синь спрятался на кухне. От криков Лефаня у него едва перепонки не лопнули.

— Ладно, спускайся давай, я у ворот стою! — Ся Лефань, не дожидаясь ответа, сбросил вызов.

Гэн Синь подбежал к воротам, тяжело дыша:

— Ты чего припёрся?

Ся Лефань проигнорировал вопрос и сразу начал ворчать:

— Я поражаюсь господину Гуну. Где он откопал этот район? Связь тут только через крик, а безопасность — на честном собачьем слове! Говори: господин Гун наверху?

— Да.

— С Цзинкунем всё нормально?

— Да.

Они замолчали, выяснив самое важное. Ся Лефань передумал подниматься. Если говорить честно, он просто не хотел видеть их вдвоём. Это зрелище слишком больно кололо его сердце.

— Ну и ладно. Раз у него всё в порядке, я спокоен. Пойду я.

<http://bllate.org/book/17488/1693942>